

Адмирал Павел Степанович Нахимов

Биографический очерк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А31

А31 Адмирал Павел Степанович Нахимов: Биографический очерк / – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 42 с.

ISBN 978-5-517-82039-6

Составил капитан 1 ранга А. Асланбегов. Санкт-Петербург, 1898 год.

ISBN 978-5-517-82039-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Но семья не позабыла
Тотъ родной гранитъ,
Гдѣ Нахимова могила,
Гдѣ Корниловъ спитъ.

(Стихи г. Амосова на одномъ
изъ севастопольскихъ обѣдовъ).

Въ 12-й тетради «*Русскаго Архива*» 1867 года явилась анонимная статья, подъ заглавіемъ «*Изъ записокъ севастопольца*», которая отозвалась тяжелымъ, болѣзненнымъ чувствомъ не только морякамъ бывшаго черноморскаго флота и ихъ балтійскимъ товарищамъ, не только героямъ-защитникамъ всѣхъ родовъ оружія безсмертной обороны Севастополя, но, я вполнѣ убѣжденъ, и всѣмъ русскимъ, любящимъ свою родину и чтущимъ память *великихъ именъ*, снискавшихъ заслуженную славу, признательность отечества и справедливое уваженіе враговъ. Объ этой статьѣ всѣ громко заговорили, начиная отъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества, пораженные неожиданностію и новизною разсказа. Авторъ этой статьи съ невыразимою злобою, съ непонятною желчью, которыми пропитано каждое его слово, подъ благовиднымъ предлогомъ исторической правды, задался недостойною цѣлію: поколебать въ соотечественникахъ ту дань удивленія и восторга къ великимъ сподвижникамъ непримѣрныхъ въ военныхъ лѣтописяхъ подвиговъ, тѣхъ доблестныхъ подвиговъ,

которые самые враги достойно оцѣнили; и какъ въ этой статьѣ онъ особенно извратилъ, изуродовалъ личность глубоко чтимаго всѣми адмирала Павла Степановича Нахимова, и такъ какъ вымыселъ его мы, сослуживцы, болѣе и ближе другихъ знавшіе адмирала, не можемъ иначе принять какъ за пасквиль или карикатуру, то я, посвятивъ мой отвѣтъ памяти падшаго героя Наварина, Синопа и Севастополя, постараюсь всѣ мои слова доказать фактами и ссылками на разнородныя доказательства, сопоставляя ихъ съ мнѣніями и словами неизвѣстнаго автора.

Вотъ какъ рисуетъ авторъ адмирала:

„Нахимовъ былъ самый простой морякъ, извѣстный въ то время только въ одномъ Севастополѣ; честная, добрая душа, „Алексѣй, Божій-человѣкъ“, небольшой, нѣсколько тучный, небрежный и грязноватый въ одеждѣ и въ быту, съ полнымъ невыразительнымъ лицомъ, слегка соннымъ и сонѣвшимъ: съ тихими, голубыми глазами, которые не могли угрожать; странный, ужасно неопредѣленный характеръ, какого еще не бывало, но *рѣшительно* безъ всякихъ талантовъ. Все, что можно сказать о немъ вдругъ и подумавши: не глупый человѣкъ, добрая душа! и только. Такая фигура и свойства были облечены въ довольно неопрятный сюртукъ и штаны. Впрочемъ, сюртукъ постоянно украшался эполетами, которые, точно также постоянно, были моложе чинномъ и старше Чернаго моря. При осадѣ Севастополя адмиралъ одинъ-одинешенекъ щеголялъ въ сюртукѣ и въ эполетахъ. Впрочемъ, мнѣ случилось однажды видѣть его въ шинелькѣ изъ люстрина, тоже довольно невѣроятнаго фасона.

„Необыкновенная доброта адмирала нарушалась иногда, хоть и рѣдко, какимъ-то шумнымъ вихремъ безтолковыхъ криковъ, которыхъ, въ сущности, никто не боялся и которые ровно ничего не значили. Онъ даже, временами, представлялся жестокимъ и закатывалъ матросамъ неопредѣленное количество линьковъ, но рѣшительно всегда безъ злобы, а такъ, изъ рутинны. Сегодня приметъ васъ очень грубо, не знаетъ вашей фамиліи, глядитъ на васъ тупо, а завтра бросится со всѣхъ ногъ (точно спохватившись), становится вамъ стужа, ухаживаетъ какъ за любовницей. Почти всегда откажетъ съ перваго раза и даже на шумитъ, но потомъ непремѣнно отмякнетъ и уступитъ: только не останавливайтесь, идите на проломъ, безъ всякой перемонии. На третьемъ словѣ, если вы не выскочили сразу изъ комнаты отъ дикаго крику и топотни (а коли вы попросе званіемъ, напримѣръ какой нибудь мѣшанинъ, онъ васъ собственноручно возьметъ за хохоль), на третьемъ словѣ вы уже увидите, что у него нѣтъ характера. Энергическій человѣкъ могъ выпросить у него что угодно, даже Севастополь, въ который онъ посадилъ столько хлопотъ и крику.

„Само собою разумѣется, маса служащихъ, все-таки, по человѣчески, подавалась въ ту сторону, гдѣ было больше чести и простоты (ибо ничто на свѣтѣ ни сильно задавить въ челоуѣчествѣ окончательно его челоуѣческихъ инстинктовъ). Изъ всѣхъ начальниковъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видныя посты въ Севастополѣ, Нахимовъ былъ самый простой и естественный въ обращеніи съ подчиненными. Если я упомянулъ о нѣкоторыхъ неровностяхъ его права, о дикихъ крикахъ и тому подобномъ, это было въ немъ только исключеніемъ изъ общаго правила. Обыкновенно онъ глядѣлъ добренькимъ. Иной разъ ему приходила блажь и прикинуться генераломъ, какъ надо быть, но это не удавалось: природа отказала ему въ генеральскихъ свойствахъ. Сколько ни пробовалъ, ничего не могъ онъ сдѣлать по этой части, и, наконецъ, въ отчаяніи махнулъ рукою: „не выходитъ!“ и остался чѣмъ то въ родѣ... матроса. Я беру слово наудачу, какое поближе, Нахимовъ не былъ похожъ ни на кого и ни на что. Это было нѣчто совсѣмъ особенное въ своемъ родѣ: „Павелъ Степановичъ Нахимовъ — Алексѣй, Божій-челоуѣкъ“, и только. Онъ представляется мнѣ еще въ видѣ голландскаго мызника, съ кружкой пива и удочкой, въ полосатой голландской курткѣ изъ толстаго тика...; вечернее солнце бросаетъ мягкій лучъ на его большой и добрый лобъ, съ клочками свѣтлыхъ волосъ; вокругъ веленая травка, по которой ползають бѣлокурые, пузатые мальчуганы; какъ хорошо и тихо!“

Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ!

„Но оная жизнь не выпала ему на долю. Мало ли какія случаются перестановки! Судьба, *fatum*, назовите какъ угодно, вложила мысль въ голову его родителей, помѣщиковъ Смоленской губерніи, отдать его въ морской корпусъ и онъ сдѣлался морскимъ офицеромъ. Радъ не радъ, годишься или не годишься — служи на палубѣ! Впрочемъ, Нахимовъ не задавалъ себѣ никогда подобныхъ вопросовъ по этой части.

„Сначала ему сильно не везло. Физіономія его была не изъ такихъ, которыя могли нравиться въ Балтійскомъ флотѣ. Онъ перемѣстился въ Черное море и затерялся въ черноморскихъ рядахъ; послуживалъ, сѣкъ матросовъ, такъ какъ была тогда на это лазаревская мода, или духъ времени; совершалъ морскіе вояжи, и, наконецъ, какъ водится, достигъ адмиральскаго чина.“

Спрашиваю васъ, любезный читатель: какое вы должны составить понятіе о личности, вамъ представленной?

Челоуѣкъ безъ характера, не только рѣшительно безъ всякихъ талантовъ, но даже и непозволяющій себѣ задать вопросъ: какъ онъ очутился во флотѣ? Небрежный, грязный, часто грубый, всегда безтолковый, безтактный крикунъ, слабый и добренькій, однимъ словомъ — почти идіотъ.

Вотъ что говорятъ документы:

Павелъ Степановичъ родился въ 1803 году; отецъ его былъ секундъ-маіоръ временъ Екатерины II и пользовался особеннымъ уваженіемъ и довѣренностію своихъ сосѣдей, дворянъ Смоленской губерніи. Опредѣленный въ морской кадетскій корпусъ, онъ, какъ избранный и лучшій воспитанникъ, назначенъ былъ на бригъ «Фениксъ», имѣвшій заграничное плаваніе въ Данію и Швецію, и въ 1818 г., т. е. 15 лѣтъ отъ роду, *вышелъ въ мичманы*. Уже эти первые шаги свидѣтельствуютъ о способностяхъ, прилежаніи и дарованіяхъ 15-лѣтняго юноши.

Отправленный въ 1821 году сухопутно въ Архангельскъ, въ команду строившагося тамъ корабля, онъ вызванъ оттуда и назначенъ на фрегатъ «Крейсеръ», подъ команду капитана 2-го ранга М. П. Лазарева, впослѣдствіи знаменитаго адмирала, совершавшаго тогда третье кругосвѣтное путешествіе. Не считаю нужнымъ говорить, что подобное назначеніе человѣку безъ протекціи, въ то время, когда кругосвѣтныя плаванія были чрезвычайно рѣдки, служить неопровержимымъ доказательствомъ, что молодой мичманъ обратилъ на себя особенное вниманіе. Скоро капитанъ Лазаревъ оцѣнилъ браваго, расторопнаго офицера и такъ къ нему привязался, что съ той поры они почти не разставались. Возвратясь въ 1825 году послѣ трехъ-лѣтняго кругосвѣтнаго плаванія лейтенантомъ, онъ получилъ орденъ Владиміра 4-й степени. Въ 1826 году онъ пришелъ изъ Архангельска на вновь выстроенномъ кораблѣ «Азовъ» (столько извѣстномъ всему флоту, какъ образцовый во всѣхъ отношеніяхъ), подъ командою тогда уже капитана 1-го ранга Лазарева, и, отправясь на другой годъ на немъ въ Средиземное море, онъ плавалъ тамъ до 1830 года. Корабль «Азовъ» былъ флагманскимъ кораблемъ адмирала графа Гейдена и за отличную храбрость, выказанную лейтенантомъ Нахимовымъ въ Наваринскомъ сраженіи, онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени въ

декабрѣ 1827 года. (При этомъ замѣчу, что на кораблѣ «Азовъ», въ Наваринскомъ сраженіи, было убитыхъ и раненыхъ болѣе, чѣмъ на всей остальной эскадрѣ). Итакъ, 24-хъ лѣтъ отъ роду, Нахимовъ былъ штабъ-офицеромъ и кавалеромъ Георгія, Владиміра, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ назначенъ уже командиромъ корвета «Наваринъ». Мнѣ, кажется, нечего добавлять отъ себя; факты говорятъ краснорѣчивѣе моихъ словъ, что такой командиръ не только былъ извѣстенъ флоту, но былъ его украшеніемъ. Возвратясь изъ Средиземнаго моря, онъ былъ назначенъ въ 1832 году командиромъ вновь строящагося фрегата «Паллада». Это былъ такой красавецъ, что весь флотъ имъ любовался, и весьма многіе пріѣзжали учиться чистотѣ, вооруженію и военному порядку, на немъ заведенному. Въ первую же кампанію на немъ, въ 1833 году, крейсеруя въ эскадрѣ почтеннаго и всѣми уважаемаго вице-адмирала *Θ. Θ. Беллинггаузена*, ему удалось заслужить признательность начальства и уваженіе сотоварищей за тотъ ночной сигналъ, которымъ онъ предупредилъ эскадру отъ угрожавшей ей опасности курса на каменья. Въ январѣ 1834 года Нахимовъ былъ переведенъ въ Черное море по ходатайству адмирала *Лазарева*, сдѣлавшагося въ это время главнымъ командиромъ черноморскаго флота, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ и образцовыхъ командировъ, съ назначеніемъ командиромъ 41-го экипажа, и въ томъ же году произведенъ въ капитаны 2 ранга. Въ 1836 году назначенъ командиромъ вновь строящагося корабля «Силистрія», а въ 1837 году произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Командуя этимъ кораблемъ до производства своего въ контръ-адмирала, въ 1845 году, онъ ежегодно плавалъ на немъ по Черному морю и имѣлъ, кромѣ практическихъ занятій, нѣкоторыя важныя порученія. Такъ, въ 1840 году, онъ былъ у восточнаго берега при занятіи мѣстечка *Туапсе* и *Псезуапѣ*, гдѣ, при высадкѣ десантнаго отряда на берегъ, онъ командовалъ лѣвымъ флангомъ перваго отдѣленія. Въ этомъ же году и въ слѣдующихъ ему поручено было положить

въ Новороссійскѣ мертвые якоря и потомъ бочки для мертвыхъ якорей новаго устройства. Здѣсь кончается поприще Павла Степановича Нахпмова какъ капитана, а потому я позволяю себѣ остановиться на его дѣятельности.

Корветъ «Наваринъ», фрегатъ «Паллада» и корабль «Силистрія» были постоянно тѣми образцами, на которые всѣ указывали и къ которымъ всѣ стремились. Я спрошу всѣхъ сотоварищей, служившихъ въ то время въ Черномъ морѣ, кто изъ нихъ, встрѣтаясь въ морѣ съ кораблемъ «Силистрія» и входя на рейдъ, гдѣ онъ красовался, не осматривалъ себя съ ногъ до головы, чтобы показаться въ возможно лучшемъ, безукоризненномъ видѣ зоркому капитану «Силистріи», отъ котораго не скроется ни одинъ шагъ, ни малѣйшій недостатокъ, такъ точно какъ и лихое управление? Одобреніе его считалось наградою, которую каждый старался заслуживать, — такъ было велико нравственное вліяніе этого человѣка.

Онъ имѣлъ особенный даръ пріохотить въ морскому дѣлу, внушить энергію и любовь къ службѣ, какъ своимъ примѣромъ, своимъ постояннымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, такъ и своими всегда интересными разсказами о томъ, какъ это дѣлалось на «Крейсерѣ» и на «Азовѣ», что говорилъ и какъ думалъ Михаилъ Петровичъ Ларазевъ въ томъ и другомъ случаѣ, какъ бы забывая, изъ врожденной ему скромности и глубокаго уваженія къ наставнику своему, что «Наваринъ», «Паллада» и «Силистрія» были вполне новыми авторитетами и примѣромъ для подражанія. Онъ постоянно всецѣло принадлежалъ своей профессіи.

Выходитъ ли эскадра или даже отдѣльный корабль изъ гавани, идетъ ли въ гавань, возвращается ли съ моря или снимается съ якоря, — вы увидите Павла Степановича на графской пристани съ его неизмѣнною грубою. Скажу болѣе: всякая шлюпка, катающаяся по рейду подъ парусами, была имъ замѣчаема и, не смотря на то, что за малѣйшее упущеніе, при удобномъ случаѣ, молодежь подвергалась его замѣчаніямъ,

она его обожала, потому что всякій морской офицеръ, сколько нибудь обратившій на себя его вниманіе своею привязанностію къ службѣ, могъ вполне рассчитывать на его готовность научить, облегчить, заступиться, ходатайствовать, на его всегда протянутую руку помощи и даже на его кошелекъ.

Радужіе и гостепріимство его были извѣстны всякому. Изысканная чистота и порядокъ были на кораблѣ и въ квартирѣ; сердечная доброта, прямодушіе были написаны на его открытомъ благородномъ лицѣ. Вниманіе его къ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ офицерамъ и матросамъ 41-го экипажа было неисчерпаемо. Онъ слѣдилъ за ними не только въ Севастополѣ, но и на Кавказѣ и за границу. Они могли обращаться къ нему, какъ къ родному отцу. Не понятно ли послѣ всего мною сказаннаго (что, опять повторяю, подтверждать всѣ оставшіеся въ живыхъ моряки Чернаго и Балтійскаго морей), не понятно ли, что эта честная, благородная, безкорыстная личность, что это доброе, великодушное, золотое сердце, что эта искренняя, безграничная любовь къ своему дѣлу — весьма скоро привлекли къ нему сослуживцевъ, готовыхъ съ нимъ идти въ огонь и въ воду. Во всемъ черноморскомъ флотѣ не было ни одного матроса, который бы не зналъ, если не лично, то по наслышкѣ, и не любилъ, хотя бы и заочно, капитана «Силистріи», Павла Степановича Нахимова. Никто не умѣлъ такъ понимать ихъ нужды, такъ говорить съ ними, и потому они были слѣпо ему преданы.

Теперь я снова обращаюсь къ вамъ, любезный читатель, и попрошу отвѣтить мнѣ: какое выработалось у васъ понятіе объ этомъ лицѣ моего разсказа, основаннаго на документахъ его происхожденія, службы, и на тѣхъ чертахъ, которыя засвидѣтельствуютъ адмиралы и капитаны русскаго флота? Вы видѣли юношу, съ прекрасными способностями, окончившаго курсъ и вышедшаго въ офицеры 15-ти лѣтъ. Вы видѣли лихого, браваго мичмана, избраннаго изъ всей среды знаменитымъ капитаномъ Лазаревымъ; вы видѣли отлично храбраго лейте-

нанта, украшеннаго Георгіемъ за побѣду подъ Навариномъ; вы видѣли молодого 25-ти лѣтняго капитана корвета «Наваринъ», вполсѣдствіи образцоваго командира фрегата «Паллада» и корабля «Силистрія», капитана всѣми уважаемаго, горячо любимаго, непрестаннаго наставника молодежи и съ огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ на всю среду, т. е. съ сильнымъ, опредѣленнымъ характеромъ, съ безграничною любовію къ своему дѣлу, съ сердцемъ великодушнымъ и благороднымъ, обожаемаго командою.

Есть ли хотя одна черта изъ того портрета, который угодно было нарисовать, по какому-то дикому, необузданному произволу, злому перу анонимнаго автора, который, какъ очевидно, не будучи морякомъ, могъ писать свои детальныя подробности подъ нашептываніе ядовитой зависти или шипучей злобы. Мы оскорблены, въ качествѣ сослуживцевъ и почитателей доблестнаго адмирала, не тѣмъ, что напелся человекъ (въ семьѣ не безъ уроды), который съ необдуманною наглостію попытался бросить изъ-за угла комокъ грязи на этого рыцаря чести и благородства, но тѣмъ, что статья эта могла найти мѣсто на страницахъ журнала, столько извѣстнаго своею оцѣнкою и критическимъ взглядомъ. Считаю нужнымъ здѣсь присоединить, что на вопросъ мой — приметъ ли возраженіе почтенный издатель «Русскаго Архива», П. И. Бартеневъ тотчасъ же отвѣтилъ, что онъ сердечно радъ и что печаталъ «Записку Севастопольца», скрѣпя сердце, для *дознанія истины*.

Разсмотрѣвъ критически, съ полнымъ и должнымъ вниманіемъ, все поприще Павла Степановича Нахимова до адмиральскаго чина, я сдѣлаю послѣдній вопросъ автору: могъ ли такой капитанъ затеряться во флотѣ? и имѣлъ ли право онъ задать себѣ вопросъ, какъ онъ очутился на палубѣ и почему онъ служилъ во флотѣ?

Въ 1845 году Павелъ Степановичъ Нахимовъ произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 4-й флотской дивизіи. Кромѣ ежегодныхъ практическихъ

плаваній по Черному морю, онъ въ 1848 и 1850 годахъ, командуя эскадрами, держалъ крейсерство у кавказскихъ береговъ по шести мѣсяцевъ; въ мартѣ 1852 года онъ назначается командующимъ 5-ю флотскою дивизіею, и въ октябрѣ того же года производится въ вице-адмирала, съ утвержденіемъ начальникомъ дивизіи.

Горизонтъ дѣлается обширнѣе, поле дѣйствія расширяется, онъ получаетъ возможность не косвеннымъ, не нравственнымъ только вліяніемъ имѣть силу, но и непосредственно властью начальника. Гумбольдтъ говоритъ: «особенность жизни человѣка заключается въ томъ, что, если онъ не заботится о своемъ счастьи, а только объ исполненіи долга, то счастье превозможетъ, какъ бы плохо ни было первоначальное положеніе человѣка».

И счастье видимо начинаетъ обнимать своего избранника. Черноморскій парусный флотъ, подъ его флагомъ, состоящій изъ 12 кораблей, 2 фрегатовъ, 7 париходовъ и 11 транспортовъ, дѣлаетъ одинъ изъ самыхъ баснословно-счастливыхъ переходовъ, съ десантомъ цѣлой дивизіи, въ полномъ составѣ. Флотъ, поставивъ бомъ-брамсели, снимаясь на севастопольскомъ рейдѣ, закрѣпилъ ихъ у кавказскихъ береговъ и, снимаясь подъ ними у Анакріи, закрѣпилъ, становясь на якорь въ Севастополѣ, въ бурное время года во второй половинѣ сентября мѣсяца. Хочу припомнить здѣсь, что перевозъ войскъ въ 1801 году изъ Мальты въ Египетъ, съ такимъ же количествомъ десанта, былъ произведенъ болѣе чѣмъ на 200 военныхъ и купеческихъ судахъ (*).

Переходъ изъ Севастополя въ Анакрію совершенъ въ 7 дней. Дебаркація началась въ 7 часовъ утра и окончилась въ 5 часовъ пополудни. Всего на отрядѣ перевезено 16 баталіоновъ пѣхоты и 2 легкія батареи, въ числѣ 16.393 человѣкъ и 824 лошадей, со всѣми необходимыми тяжестями. Больныхъ

(*) Нѣсколько указаній о десантахъ В. Стеценко (М. Сб. №№ 2 и 4, 1865 г.).

было всего только 7 человекъ сухопутнаго вѣдомства и 4 человекъ морскихъ чиновъ; 13-го числа было получено приказаніе изъ Петербурга, а 24-го войска были на Кавказѣ.

Но авторъ «Записокъ севастопольца» не вѣрить официальнымъ донесеніямъ и говорить съ сарказмомъ:

„Князь Меншиковъ получилъ новое повелѣніе перевезти 13-ю пѣхотную дивизію, съ ея артиллерією, изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале. *Это бросились исполнять* и потратили на перевозку войскъ цѣлый мѣсяцъ. Всякихъ расходовъ и напрасной траты людей и лошадей было бездна“.

По окончаніи этого порученія, за которое адмиралъ получилъ Владимира 2-й степени, онъ выходилъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ трудное крейсерство, какъ по времени года, которое, кромѣ соотечественниковъ, выполнѣ оцѣнили моряки и публицисты иностранные, понимая, сколько надобно знанія, увѣренности и бдительности съ паруснымъ флотомъ держаться близко у береговъ въ ноябрскія бури, такъ и по ходу политическихъ событій. Войны ожидали съ минуты на минуту, и вотъ, наконецъ, 23-го октября состоялся манифестъ; открытіе военныхъ дѣйствій привело Нахимова къ славному Синопскому бою 18-го ноября 1853 года.

Я не стану описывать всѣ подробности этого славнаго и незабвеннаго для моряковъ черноморскаго флота дня, которымъ какъ бы высказался для Россіи и Европы результатъ тѣхъ постоянныхъ усилій, того искренняго труда, той задушевной любви къ своему дѣлу, которыми была воодушевлена эта крѣпкая, дружная семья, потому что описаніе Синопскаго сраженія было составлено по официальнымъ свѣдѣніямъ въ декабрьской книжкѣ «Морского Сборника» 1853 года, но отвѣчу только на слова автора разбираемой мною статьи. Онъ и здѣсь, какъ и вездѣ, старается всячески умалить, даже уничтожить, значеніе этой рѣшительной и славной побѣды.

Онъ говоритъ:

„Можетъ быть вы спросите о стратегическомъ значеніи этого боя? Увы, тутъ слѣдуетъ быстрое разочарованіе. Мнѣ тяжело вносить въ лѣтопись эти холодныя разочаровывающія строки въ такую минуту, когда я плачу *слад-*